

ДВЕРЬ *Андрей СТОЛЯРОВ*
С ТОЙ СТОРОНЫ

Фантастический рассказ

Поиск реципиента. Глубокий зондаж. Стабилизация канала связи. Фокус акцепции, Передача сигнала.

Когда выступает Серафима, можно отдыхать. Мазин так и сделал. Толкнул переднего — подвинулся. Нырнул за его спину, положил щеку на ладонь.

Было хорошо. Спокойно. Серафима, забыв о времени, журчала на одной ноте. Кивала гладкой седой головой. Безобидная старушенция. Выступает на каждом собрании и с серьезным лицом уверяет всех, что опаздывать на работу нельзя.

В комнате, куда набилась со своими стульями, сидели очень тесно. В некотором обалдении. Звенела муха в верхних рамах, и от звона было скучно. В передних рядах тарасили глаза, сглатывали зевоту.

Мазин получил отличное место — между двумя кульманами, у открытого окна. Поднятые доски заслоняли надежно. В окно летел пух. Это был первый этаж. На другой стороне, за деревьями, уныло переплетались огороженные решеткой, засыпанные коричневым шлаком железнодорожные пути. Каждые пять минут со стоном проносилась электричка.

Серафима вытирала губы платком, поправляла эмалевую брошь, стянувшую платье. Чувствовалось, что это надолго. Мазину передали записку: «Не храпи, мешаешь думать!» Ольга, видимая в проходе, показала, как он спит, — сложив руки и высунув язык.

Обернулся Егоров, спросил:

— Видел еще что-нибудь?

— Нет, — соврал Мазин.

— Я пришел к выводу, что Они транслируют некую обойму информации, — не двигая губами, сказал Егоров. — Последовательно знакомят с некоторыми аспектами их жизни.

— Эпизоды повторяются, — лениво сказал Мазин, так же не двигая губами.

— Повторяются? Да? Я этого не продумал. Вероятно, Они дублируют наиболее важные сообщения.

— Я четыре раза видел «Поле с урнами». В ушах стоит это чавканье.

— «Поле»? — Егоров был озадачен. — Ну... нам пока трудно судить, что Они хотят сказать этим... А на кого был похож зверь?

— На крокодила. Только с крыльями.

— Алексей, — строго сказал Егоров, — ты обязан подробно записывать каждую передачу.

— Бред!

На них оглянулись. Мазин сделал такое лицо, будто ничего не говорил. Не хватало только, чтобы Серафима приняла восклицание на свой счет.

— А может быть, твой крокодил — это и есть Они? — не оборачиваясь, в ладонь прошипел Егоров.

Художник Владимир НЕВОЛИН

— Отстань, — сказал ему Мазин.

Откуда-то из-за разбегающихся путей поползли многоярусные тучи с черной изнанкой. Закрыли небо. Сразу потемнело. Кто-то зажег художочный электрический свет. В комнате зашевелились. Серафима журчала. На лицах было покорное отчаяние.

Налетел ветер, Поташил скомканную газету. Столб листьев и соломинок, закрутившись над люком, поднялся выше окна. Как прибой, зашумели полновесные тополя.

Две школьницы в хрупких бантах, в праздничных белых фартуках с опаской посмотрели на небо и припустили через улицу, держа портфели на голове.

Упали первые крупные капли — щелчками. Заколотили сырые точки в пыльный асфальт. Чесануло дробью — хлынуло, зарохотало, охапками сбивая с деревьев широкие зеленые листья.

Мазин, высунувшись, потянул рамы на себя. В лицо ударило водой. Синяя ветвистая молния располосовала небо. И почти тут же донеслось грохотание, будто на окраине города что-то обвалилось.

Поднявшиеся садились, кряхтя, будто на гвозди. Кто-то чихнул, кто-то кашлянул. Мазин смотрел поверх голов. Потолок был нечистый, в трещинах. Мел осыпался. Лампа в скучном пластмассовом абажуре надрывалась — одна на всю комнату. За окном была темь, полная дождя. Шипело в водосточных трубах. По пузырящейся мостовой бежали мокрые люди.

Рядом с лампой появилась крохотная белая искра. Горела отчетливо. Мазин сморгнул. Искра оставалась. Словно в потолке была дырочка и сверху в нее направили прожектор.

Он закрыл глаза. Искра светила под веками. Как маяк. Мазин понял, что это.

— Ты совсем заснул, — прошептали сзади.

— Знак, — сказал Мазин, не открывая глаз.

— Что?

— Знак. Звезда на потолке. Слева от лампы.

— Ничего там нет, — сказал Егоров.

Мазин поднял веки. Искра горела — тихая, пронзительная. Вокруг нее, как при большом напряжении глаз, расплзлась серая дрожащая дымка, заслоняя собою лица, ряды, кульманы и шлепающую губами Серафиму.

2

Устойчивый Контакт. Синхронизация изображений.
Передача первичного понятийного ряда.

Сначала это были невнятные, как бы моментальные зарисовки, словно киноленту разрезали на мелкие куски, а потом склеили как попало. Кадры прыгали и наслаивались. Иногда картина была заштрихована вертикальными царапинами или пульсировала, расплываясь в нерезком тумане.

Первый связный сон был таким.

Болото. Коричневая вода подернута радужной бензиновой пленкой. Из нее высовываются гнилые кочки в черной траве. Об-

горелыми спичками, вразнобой, торчат редкие чахлые сосенки. Мазин бредет, выдирая ноги из чавкающей жижи. Идти трудно. Засасывает. В глубине, под пружинящим дерном, зыбкая и бездонная пустота. Жарко. Воздух едок и густ. Соленый пот щиплет глаза. Автомат с массивными магнитными кольцами на коротком дуле оттягивает плечо. Пахнет машинным маслом, соляной. Вместо неба над головой висит тяжелый мазутный дым. Плавает в нем бледный круг солнца. Мазин хватается за стволы бородавчатых сосенок, отдергивает руку — стволы железные и горячие, словно трубы парового отопления. Иглы на них металлические, с воронным отливом. Он трогает пружинистую кочку — трава тоже железная, горячая. Под ржавыми скрежещущими листьями брусники гроздьями висят никелированные ягоды. От коричневой воды поднимается пар. С чмоканьем лопаются громадные пузыри, разбрызгивая жирную нефть. На высокой кочке, поджав одну ногу, стоит тощая цапля, покрытая медными тусклыми перьями. На лысой голове ее — проволочная щетина. Цапля вытаскивает ногу из гремящих перьев, чешет голову — будто ножовкой пилят железо. Распахивает красный, в белых пленках глаз. Это очень опасно. Смертельно опасно. Сердце сдавливают твердыми пальцами. Мазин выводит автомат из-за спины, остановившись, сразу уходит по колено в вонючую воду. Цапля приоткрывает длинный клюв ишипит, как змея. Зубы в клюве шевелятся. Стремительно выкатывается тонкий раздвоенный на конце язык. Мазин стреляет дважды. Лиловая вспышка. Ключья мазута. Коричневый пар со свистом уносится вверх. На том месте, где стояла цапля, ровная твердая площадка. Будто на болото положили асфальтовый лепесток. Края площадки похрустывают, остывая. На них, выцарапывая искры, карабкается цапля. Перья ее вишневые от термического удара. Цапля стряхивает брызги горячей нефти и, взъерошенная, шипящая, растопырив облезлые крылья, бежит к Мазину, разевая клюв. Злобой горят рубиновые глаза. Мазин стреляет еще дважды.

Но чаще возникала другая картина.

Бескрайняя равнина, поросшая короткой шелковистой пепельной травой. В траве ровными рядами, как ульи, стоят невысокие серые ящики с плоскими крышками. Мазин назвал их урнами. Урны тянутся до самого горизонта. Это напоминает кладбище. Вереницы аккуратных надгробий. Сумерки. Небо темно-синее, но видно хорошо — воздух прозрачен и тих. От ящика к ящику неуклюже ползет животное, похожее на крокодила: длинная бугристая морда с выступающими глазами, зеленая чешуя, ребенчатый стучащий в землю хвост. Желтое брюхо между кривых лап волочится по земле. На спине у крокодила перепончатые крылья алого цвета. Он с треском, как голубь, бьет ими. Он какой-то ненатуральный: глаза у него голубые. Крокодил подползает к урне, шаркая мордой, не сразу откидывает крышку. Волна кислотоватого запаха обдает Мазина. Внутри находится оранжевая студенистая масса, напоминающая слипшуюся икру. Крокодил выковыривает эту массу. Она, как тесто, шлепается в траву. Уминает лапами — икринки лопаются, шурша, словно пузыри в лимонаде. Он отрывает кусок, жует, жмурия от сладости фарфоровые глаза, чавкает громко, на всю

равнину: слюна длинными каплями падает с челюстей. Кисловатый запах усиливается. В нем есть что-то притягательное. Бесконечные ряды урн светятся в темноте деревянными щеками. Покончив с одной, крокодил захлопывает крышку и, продолжая жевать, ползет к следующей. Так — час за часом, всю ночь — темное выставшее небо, уходящая за горизонт равнина, пепельная трава, неторопливое движение чешуйчатого тела, смачное чавканье, трескотня алых перепончатых крыльев.

Иногда Мазин летал среди блестящих алюминиевых облаков, которые на его глазах набухали и проливались, но не дождем, а серебряными монетами, или брел по улицам пустого, очень светлого города: мостовая была стеклянная, стозатяжные дома были стеклянные, каждая улица выводила на площадь, и на каждой площади стояла стеклянная же, налитая светом ветряная мельница — вращалась, позвякивая привязанными колокольчиками, и солнце вспыхивало на прозрачных лопастях.

После таких снов Мазин просыпался в поту. Пугала реальность увиденного. Он еще несколько секунд чувствовал на плече тяжесть автомата, втягивал ноздрями едкую вонь кипящего мазута или слышал унылое мокрое шуршание раздавленной толстыми лапами нкры.

Сны были не его. Чужие. Он не мог их видеть. И все-таки он видел их каждую ночь.

3

Устойчивый Контакт. Передача первичного понятийного ряда. Расширение зоны Kontakта за счет новых реципиентов.

ГОВОРIT СЕРАФИМА. Не любят. Чувствую, знаю, улавливаю в неприязненных голосах. Не любят. Шеф, возвращая отчет, косится в сторону. Надо переделывать. Согласно последней рубрикации. Вы не вполне учли. Ему стыдно. Он краснеет и злится на самого себя. Потому что ничего переделывать не надо. Согласно рубрикации. Все давно учтено. Не любят. Звонит Караслава: «Больше не приходи ко мне, никогда тебе не прощу». Что, почему, зачем? — бесполезно выяснять, короткие гудки в трубке. Не любят. Бородатые институтские мальчики хихикают: Серафима совсем рехнулась, стоит посередине коридора и насвистывает гвардейские марши. Это не свист, это плач. Откуда наползает чужая мрачная тень? Не любят. Мать шевелит из угла синими губами давно и безнадежно больной женщины. Как пощечина. Нельзя подать стакан воды — не возьмет. Будет мучиться, а не возьмет. Придет дочь с работы — тогда. Дочь. Вздернутые брови, изумленные глаза, нарочито бестолковые жесты. Полное и абсолютное отчуждение. Будто впервые видит. Не могла умыть старуху. А старуха не хочет. Вся дрожит, если подойдешь к ней. Взгляд, мутный от страха. Отравили! Запрешься у себя в комнате и сидишь, слушаешь, как вытекает время из будильника. Слово пленка легла на мир. Никогда такого не было. Не любят. Накапливалось незаметно, по крупице, день за днем, бесшумно, как седеют волосы: однажды посмотришь в зеркало, а голова уже белая. Или это возраст? Причуды

старения? Молчит телефон. Кривятся знакомые. В автобусе отодвигаются, словно вся перепачкана мазутом. Одиночество. Другое измерение. Будто уже не человек. Иногда — тонкие далекие невнятные голоса. Станным холодом веет от них. Что-то объясняют, а не разобрать. Что-то очень важное, единственное, мучительно знакомое. Галлюцинации? Бьешься, как муха в невидимой паутине, и только хуже проваливаешься. А посередине липких тенет притаился — бледный, невыспавшийся, помятый, равнодушный, непричесанный, с оттопыренными ушами. Он сутулится за своим столом и чертит, выставив худые локти, — даже не обернется, ни звука не издаст, но хрупкие настороженные нити протянулись именно от него и с каждым днем все крепче. Ерунда какая-то. Мистика. А вот не ерунда. Так, наверное, дикие племена ощущали приближение из недр лесов чудовищного бога с песьей головой и человеческим телом. Леденеют суставы на пальцах. Перехватывает горло. Чужая гипнотизирующая волна проникает в сознание. И начинаешь смотреть как бы со стороны, издалека и другими глазами. Мать — капризная умирающая женщина, дочь — глупая и злая курица, думающая только о себе, муж ее — самодовольный болван, шеф — идиот, а мальчики с козлиными бородками — ранние циники, карьеристы, собиратели дешевых сплетен, у которых ничего нет за душой. Даже страшно становится, ведь не так же на самом деле, ведь абсурдно и не может быть, ведь неправда все это...

ГОВОРIT ЕГОРОВ. Во-первых, Академия наук. Там есть Паша Молчакин — обратиться к нему, он подскажет. Нужны специалисты. Нужны математики, нужны лингвисты, нужны этологи, которые смогут грамотно расшифровать сообщение. Наверняка уже существует комиссия по контакту. Хватит самодетельности. Можно упустить единственный шанс и безнадежно погубить всякую возможность понимания. Это не для дилетантов... Во-вторых. Он никуда не пойдет. Он просто боится. У него нет сердцевины, внутреннего волевого стержня, который заставляет ломить наперекор всему и наперекор всему побеждать. Он, как петух, отыскивший жемчужину. Случайность. Удар молнии. Дуракам везет. Только потому, что среди миллиардов нервных волокон в мозгу именно у него несколько штук сцеплены чуть-чуть иначе. Только потому, что нет внутреннего сопротивления. Только потому, что он никто — мягкая глина, пустышка, чистая доска, на которой можно писать все, что угодно. Сочетание маловероятных факторов. Только поэтому. Даже нельзя взять его за руку и отвести силой. Здравсьте, вот это чудело, которое мямлит и запинается, видит необычные сны. Ну и видите себе на здоровье. Кто вам запрещает и при чем тут Академия наук? Нет никаких доказательств... И, в-третьих, главное. Будто чужой человек поселился под кожей. Будто слабый и почти неощутимый, но уже тянет к себе, настойчиво убеждает, нашептывает. Это не диалог. Диалог допустим лишь при абсолютном равноправии сторон. Хотя бы опорные элементы культуры должны быть едины, без этого невозможно доверие. Если же идет тайное просачивание на Землю, целенаправленная диффузия культуры, то ни о каком доверии не может быть и речи. Это не диалог. Это нечто иное. Лучше уж вообще отказаться от кон-

такта. Вплоть до крайних мер. Может быть, устранить самую материальную основу межзвездной связи: те несколько нейронов, которые сцеплены чуть-чуть иначе. Ужасно будет, если придется сделать это. Но чаши весов ощутимо неоднозначны: на одной стороне — он, а на другой — все остальное человечество.

ГОВОРИТ ОЛЬГА. У Геры, кажется, кто-то есть. Точно, разумеется, ничего неизвестно, не настолько он глуп, чтобы болтать, но определенно кто-то есть: он не боится поспорить. И вот эта невысказанная, но отчетливо угадываемая готовность расстаться — лучше всех доказательств. Значит, здесь что же? Значит, здесь все. Пустой номер. Не бегать же за ним как кошка. Дает обратный эффект. Уже есть опыт. Боже мой, сколько опыта! Лучше всего видется как можно реже. Но не ссориться. Ни в коем случае не ссориться. Нет ничего противнее скандальных баб. И не оставлять на ночь. Только в исключительных случаях. Пусть добивается. Ценишь ведь только то, чего добиваешься. Но если Гера действительно отпадает, тогда это серьезно. Тогда вокруг холод и пустота. Тогда отпадает вся милая семейка: и Надин, и Валька, и Сержик, и придурковатый Аверьян. Потому что это его компания. Если они почувствуют, то больше — никаких приглашений, никаких сборищ, никаких лодок, никаких загородных увеселений. Через год они будут вспоминать, что была такая Олечка, которая без ума от нашего Геры. И будут заговорщически подмигивать. А Гера будет делать непроницаемое лицо и косить глаза на очередную подругу. Вот что противно: будут искренне думать, что — без ума. А тут просто страх, двадцать восемь лет, подруги, как назло, замужем, и никого нет рядом. Ведь нет же никого. Свободные одни придурки. А как не хочется придурка. Боже мой, как не хочется — до смертной тоски. Люди, где вы? Если Гера отпадает, тогда остается только он. Он, он и он. В единственном числе. Тянется уже три года, вяло и без перемен. Тоже придурок. Но — свой, ласковый, домашний придурок. Как ручной хомяк. Когда разрешаешь ему остаться — не часто, — то он на седьмом небе от радости. Прямо слюни пускает. Он, конечно, будет носить на руках и сдувать пылинки. Он ведь придурок. Будто из творога сделанный. Сны какие-то дурацкие видит. А вдруг он со сдвигом? Эти тихие — с ними не угадаешь. Можно серьезно вляпаться. Вообще странная ситуация: не люблю, не нравятся, даже легкое отвращение к нему, а все равно притягивает. Какая-то душевная черная сила. Особенно последние дни. Почему-то все время должна его видеть. Непонятно почему. Должна, и все. Если не увижу, хотя бы случайно, потом хожу, как больная. При том, что абсолютно не хочу. Неприятнейшее ощущение. Словно не сама решаешь, как жить, а кто-то за тебя. Словно гипноз. Словно висишь на пальцах у кукольника и прозрачные нити, уходящие вверх, властно дергают тело, заставляя двигаться в нужном направлении. Ужасно неприятно. Идешь, как во сне, и колдовское облако окутывает голову.

Расширение зоны Контакта. Неустойчивый Контакт с основным реципиентом. Смена донорской группы.

Навалилась летняя жара. Ртуть ушла за тридцать, Тени не было, Асфальт размяк. Кирпичные стены испускали обжигающие волны. Трескалось стекло. Город словно прожаривался на каменной сковородке. Небо стало фиолетовым. Изнемогающие тополя выбрасывали охапки белого призрачного пуха, он лежал на карнизах, плыл по воде, невесомыми шарами парил над раскаленной мостовой.

Мазин боялся, что сойдет с ума. Голова болела и распухла. Он не читал мысли, это было невозможно, но он каким-то образом мгновенно понимал, чего хочет каждый, и это понимание облекалось в форму непрерывного монолога, звучащего прямо в мозг. Избавиться от него было нельзя. Точно кто-то невидимый мерно, безостановочно, не сбываясь ни на секунду, страницу за страницей читал ему чужие души, и некуда было укрыться от тихого проникающего голоса.

Мир рушился. Не было ни одного человека. Ветер с песком ударил в лицо. Он не мог видеть скрупулезно-аккуратную Серафиму: под редкой сединой, под белой натянутой кожей старческого черепа туманной меркlostью расплывалось отчаяние. Подходила Ольга. Вспыхивали серые глаза. Кончик языка краснел между сахарными зубами. Мазин отворачивался, стискивал пальцами виски. Голос в мозгу звучал непрерывно. Строгий и внимательный взгляд Егорова преследовал его. Требовательные зрачки напоминали о долге черед человечеством.

Сидеть на работе было невыносимо. Мазин уходил с утра, ему было наплевать, что подумают, часами шатался по горячим улицам, наматывая пыльные километры, глотал сухой, обдирающий горло мутный воздух, чтобы невероятным зноем и духотой оглушить лихорадочный мозг.

Ему некуда было идти. Не с кем говорить. Пух затопил город. Подошвы прилипали. Деревья в агонии трубочками свернули вялые листья. Пахло бензином. Раздутые автобусы выбрасывали синие клубы.

Искра продолжала гореть. Мазин видел ее все время. Даже рядом с блистающим солнцем. Даже под зажмуренными веками. Даже затылком. Он мог ночью сквозь всю толщу Земли сказать, где она. В библиотеке он достал атлас звездного неба и, пользуясь еще школьными знаниями по астрономии, попытался определить ее. Кажется, это был Денеб, альфа Лебеда: светимость в пятьдесят одну тысячу раз больше, чем у Солнца, расстояние от Солнца — пятьсот парсеков.

Он больше не сомневался. Это был не бред. Сны приходили каждую ночь, яркие и пугающие. Он не понимал их. В человеческом мире не было подходящего аналога. Сознание, как калейдоскоп, лепило случайную картину. Она могла не соответствовать. Его звали. Его спрашивали на неизвестном языке. От него ждали ответа. Он не знал — какого? Тонкая ниточка протяну-

лась к Земле из громадной пустоты. Конец ее был в руках Мазина. Мгновенное понимание других, которое заставляло его избегать людей, тоже было знаком.

От него требовали. И требование это с каждым днем становилось все настойчивее.

Ему было страшно. В черной и тихой глубине пространства в невообразимой дали его, только для него одного, непонятно зачем горела чужая звезда.

Мазин поднимает к ней лицо и, шурясь в жидком солнце, сухими губами говорит:

— Не хочу...

Голос был слабый и неуверенный...

5

Неустойчивый Контакт. Усиление сигнала. Развертка элементарной семантики.

Это был железнодорожный тупик. Точнее, не тупик — просто поросшие травой рельсы упирались здесь в земляной бугор. Трава пробивалась сквозь песок, засосавший черные шпалы. Она была светло-серого цвета, в белых прожилках. Цвета пепла.

Мазин оглянулся.

Справа к рельсам тянулся старый накренившийся забор с выломанными досками, за ним находился пустырь, слева, через несколько блестящих действующих путей, желтело продолговатое здание паровозного депо. Оттуда неслись тревожные гудки и лязг сдвинувшихся колес.

Он наклонился. Трава была шелковистая и такая холодная, словно изо льда. На шпалах пузырями выступала смола. Песок был в угольной крошке. Мазин сглотнул, чувствуя во рту вкус шлака. Он ожидал чего-то подобного. С ходу зачастило сердце. Сзади возник и мгновенно вырос до неба громяхающий железный стук. Оглушительно свистя, между ним и депо пронеслась электричка. Окна ее слились в одну огненную черту.

Трава охватывала бугор, куда упирались рельсы. На деревянных ногах Мазин прошел за него и остановился. Вытащил из сбившегося кармана мятый платок. Вытер лоб. Платок сразу стал мокрым. За бугром вся земля поросла пепельной травой. Рельсы сияли в ней стальными ручьями. А между ними вереницами, на одинаковом расстоянии друг от друга стояли приземистые деревянные урны с плоскими крышками. Будто ульи. Или надгробия. Это было похоже на кладбище. Мазин уронил платок. Трава сразу же пронзила его серыми острями, зашевелилась, растягивая, обрывки ткани секунду белели и растаяли. Лишь стебли на этом месте стали гуще, пучком.

Мазин кашлянул. Будто подавился. Хотелось бежать отсюда сломя голову, кричать и размахивать руками. С грохотом, в каком-то метре от него, пролетела еще одна электричка. Стук ударил в уши. Пахнуло горячим ветром. Шелковая трава пошла волнами, и в ней, в ледяных корнях ее, родился густой и низкий звук. Словно тронули басовую струну.

От желтого здания депо к Мазину прыгал по шпалам человек, суматошно вскидывая руки, Мазин в тоске пнул землю, поросшую чужой травой. Земля была как камень. Басовая струна угасала.

Человек добежал и схватил его за рукав.

— Тебе что?.. Тебе жить надоело?.. А вот оштрафую... Покажи документы!

От бега и от жары лицо у него было словно вареное. Он задышался.

— Нет у меня документов, — сказал Мазин. — Не кричите. Я сейчас уйду.

Наверное, вид у него был странный, потому что человек недоуменно мигнул.

— Или что-нибудь случилось?

Он был в форме. На лацканах пиджака, на зеленых выпущках перекрещивались шпалы.

— Вон, — только и выдавил Мазин, показывая на ровные ряды урн.

— Ну что — вон? Ну — ТТР, — сказал железнодорожник. Сдвинул выгоревшие брови на красном лице. — Откуда здесь ТТР?..

Присел. Со всех сторон оглядел ближайшую урну, постучал по стенкам. Звук был деревянный. Обернулся к Мазину.

— Это что же, а?.. Это откуда они взялись?.. Я же утром тут проходил. Ты что-нибудь понимаешь, парень?

— Вторжение, — мертвыми губами сказал Мазин, до боли расширяя глаза.

Вколачивая рельсы в землю, опять пронеслась электричка. Закрутило горячий воздух. Из травы выплыл низкий поющий бас.

— Гудит что-то, — сказал железнодорожник. Снял фуражку с зеленым околышем. Открылась багровая лысина в свалывшемся детском пухе.

Мазин смотрел на нее как зачарованный. Вдруг показалось, что он тоже оттуда, этот человек.

— Поглядывай, поглядывай, парень, — строго сказал ему железнодорожник. — Попадешь под колеса — мне голову оборвут.

Фуражку, лежащую рядом с ним, пронзили пепельные травинки. Материя беззвучно расползлась. Околышек лопнул. Мгновение — и одна лишь кокарда блестела в траве.

Железнодорожник подсовывал лицо под крышку урны: «Тэк-с... А вот — тэк-с...» Напрягся. Морщинистая шея налилась кровью. Ноги поехали по траве. Крышка поднялась с ужасным скрипом.

— Не делайте этого! — хотелось крикнуть Мазину.

Он не мог.

Железнодорожник заглянул внутрь и отпрянул. Из урны, как тесто, выперла оранжевая влажная масса. Все было словно во сне. Масса походила на слипшуюся икру. Мазин сделал шаг назад — бежать. Волна кислотного притягательного запаха обдала его. Железнодорожник затрепетал широкими поздрами. Ему, видимо, тоже стало не по себе.

Замедляя ход, прошла электричка к городу. Требовательно прогудела. Вдали, на узких платформах, были видны люди.

— Это что такое, парень? — быстрым шепотом спросил железнодорожник.

— Пойдемте отсюда, — попросил Мазин.

Железнодорожник потыкал указательным пальцем в оранжевую массу. Икринки лопались с тихим шелестом. Он сосредоточенно понюхал палец, Мазин зажмурился. В голове гудело. Ослепительная белая искра горела внутри нее. Денеб. Альфа Лебеда. Донеслись странные каркающие звуки.

Он открыл глаза.

Стоя на четвереньках, содрагаясь всем телом, хлопая по траве растопыренными ладонями, железнодорожник выворачивал содержимое желудка.

Мазин схватил его под мышки.

— Гадость! Гадость!.. — давясь слюной, прохрипел железнодорожник.

Оранжевая масса, набухая, переваливала через край ящика. Шлепнулся один мокрый кусок, другой. Травинки вокруг них задвигались, на глазах вытягиваясь вверх.

Знакомый треск крыльев донесся из-за урн, Мазин выпустил железнодорожника. Тот мягко сел.

По проходу между рядами, стуча хвостом, полз крокодил, покрытый крупной зеленой чешуей. Волочился желтый живот. Метались по спине алые перепончатые крылья. Голубые кукольные глаза неподвижно смотрели на Мазина.

— Мать моя женщина!.. — кашляя в прижатую ладонь, сказал железнодорожник.

Крокодил открыл пасть. Ребристое небо было черное, а язык коричневый и бархатистый.

6

Неустойчивый Контакт. Развертка элементарной семантики. Совмещение локуса развертки и локуса реципиента.

— Идем быстрее. Неужели ты не можешь быстрее? — сказала Ольга.

— Слишком светло, я ничего не вижу, — сказал Мазин.

— Смотри изнутри,

— Это как?

— Боже мой, просто смотри изнутри.

— Я не могу.

— Ладно, я сейчас сделаю.

Она повернула его к себе. Ладони были жесткие, пластмассовые. Коснулась обоих висков — погрузила внутрь суставчатые пальцы. Что-то там умяла, исправляя. Натягивались и с тихой болью рвались какие-то нити. Свет изменился. Точно поставили фильтр. Вернулось зрение. Они шли по улице. Воздух сиял. Как над болотом, миллионами слабых искр переливался редкий солнечный туман. Мостовая поросла пепельной травой. Сплошь, низко поющим ковром. В летней тишине цепенели дворы, пустые и светлые — колодцы без воды. Зияли черным нутром распахнутые окна. Мазин заглянул в первый этаж. Дожну-

ло горячим мазутом. Пола в квартире не было. Была трясина: коричневая вода, подернутая радужными бензиновыми хлопьями. Шкаф, диван и четыре стула, как при наводнении, ножками окунались в нее. Жирно булькало и сипело. Выходил газ. На ржавых обжигающих кочках блестели никелированные кустики брусники. Вытягивая из топи длинные ноги, гремя медными перьями, в проеме дверей появилась цапля — звонко шелкнула клювом, зашипела, вращая красным зрачком — замигала пленками. Мазин отшатнулся.

— Ну что ты останавливаешься? — нервно сказала Ольга. — Здесь нельзя останавливаться.

Потащила его за руку.

— Почему нельзя? — спросил Мазин.

— Боже мой, да иди же ты быстрее!

— Куда мы идем?

— Не бойся, все будет хорошо.

— Я не боюсь, но я хочу знать, — сказал Мазин.

Трава под ногами шелестела — леденеющая, неземная. В покинутых дворах, в белизне пустынных улиц, на выпуклых широких перекрестках бесконечными вереницами стояли урны — светились деревянными щеками.

Ольга откинула ближайшую крышку:

— Ешь!

Выперла икра.

— Я не буду, — сказал Мазин.

— Ах, не спорь, пожалуйста!.. Делай, что тебе говорят...

Она зачерпнула оранжевую массу, ела с ладони — как кошка, жмуря нетерпеливые глаза. Икра была теплая и очень сладкая. Таяла во рту. Легко закружилась голова. Мазин вдруг понял: это счастье. Как он раньше не догадывался. Настоящее счастье — вдыхать кислотный запах, млеющим языком уминать вязкое податливое тело, чувствовать на небе трепетное щекоотание лопающихся икринок. Он заметил, что у других урн тоже стоят люди. У каждой по человеку. Откуда только взялись. Жуют молча и сосредоточенно. Лица у них оранжевые от налипшей икры. Мерное чавканье роняется в полуденном воздухе.

— Хватит, больше нельзя, — с сожалением сказала Ольга, облизав пальцы. Заторопила его: — Нас ждут.

— Хочу еще, — глухо, с набитым ртом, сказал Мазин.

— Захлебнемся в информации — пойдут сразу несколько текстов.

— Очень вкусно...

— Нет, — сказала Ольга. — Уже пора.

Посередине улицы, взявшись за руки, застыли шестеро мужчин без одежды. Тела их из дымчатого стекла просвечивали: переплетались нервы и сосуды.

— Не смотри, они не любят, — опутив голову, прошипела Ольга. — Что ты все время глазеешь?

— Кто это? — спросил Мазин.

— Они так думают, — ответила Ольга. — Общая нервная система. Да не смотри ты на них, ради бога...

Мужчины, будто почувствовав, медленно и синхронно повернули к ним головы — синеватый ореол мерцал над морщинистой, как грецкий орех, поверхностью каждого мозга.

— Вот видишь, — сказала Ольга. — Теперь они увяжутся. Но это не опасно — успеем...

Мужчины провожали их взглядами, пока головы двух задних не повернулись на сто семьдесят градусов. Тогда вся группа, не расцепляясь, так же синхронно — шаг в шаг — двинулась за ними. Задние ступали пятками вперед, и сквозные лица их — зубы, уши, глаза, скрепленные невидимым каркасом, — висели над полупрозрачными лопатками.

— Идут, — сказал Мазин.

— Ничего, уже недолго, — ответила Ольга. — Только не оглядывайся ты, пожалуйста... И пошли быстрее. Не давай им коснуться. Ты как неживой — в самом деле...

— Я читал все твои мысли, — сказал Мазин.

— Ах, ерунда...

— Я действительно читал.

— Прибавь шагу. Держись за меня, можно провалиться, тут есть такие места...

— Ты меня обманываешь...

— Ах, ничего ты не понял. Это как звонок в дверь. Один — второй — третий. Пришли гости. Тебя хотят видеть. Надо про-сто встать и отпереть замок.

— А кто за дверью?

— Откуда я знаю? Не останавливайся, вот бестолковый!

На перекрестке, зарывшись в траву, стоял автобус без колес. Стекла по всему борту были выбиты, бампер мятый, задняя дверь открыта.

— Уф... наконец-то, — сказала Ольга. — Забирайся.

— Зачем?

— Как все-таки с тобою трудно, — вздохнула она.

Мужчины, держась за руки, приближались: враз поднимут правые ноги, помедлят немного — опустят, поднимут левые. Прозрачные мышцы хрусталем высверкивали на солнце. Мазин поднялся по ступенькам. Дверь закрылась — одной створкой.

Внутри на облезших креслах сидели люди. Смотрели в окна. Как истуканы. Никто не шелохнулся. Лица были знакомые. Мазин увидел Серафиму — брошь под жилистым горлом, гладкие седые волосы. Она продолжала смотреть, даже не шевеля губами, строго произнесла:

— Вы всегда опаздываете, Алексей.

Два места были свободные. Ольга быстро уселась.

Егоров, облокотившийся о половинку разломанного руля, сказал:

— Давай причаливай, сейчас поедем.

— Он же без колес, — сказал Мазин.

— Ну и что?

— Разве можно без колес?

— Еще как! — сказал Егоров.

Дал длинный гудок.

Автобус закачался, как на волнах. Вниз ушли придвинувшиеся вплотную стеклянные лица мужчин. Они летели. Повернулось гигантским кругом: крыши — как ломаная черепица, сеть улиц с темными точками урн. Накренилась и утонула под блистающими облаками зеленая карта земли.

Ольга, глядя в окно, окаменела наподобие остальных.

— Послушай, я хочу тебя спросить, — в затылок ей сказал Мазин. — Эта... дверь... Она не может как-нибудь открыться сама?

— Не отвлекайся, — сказала Ольга.

Егоров вдруг захохотал, как сумасшедший.

— Только вперед!

Рулил быстро и беспорядочно — невпопад. Автобус швыряло зигзагами. Пассажиры вросли в кресла — пылинки не шевельнулись. Синий цвет неба истончился и лопнул. В пустой черноте зажглись звезды. Громадная луна, сквозя провалами морей, выплыла откуда-то справа — рукой достанешь.

— Тебя уволили! — крикнул Егоров. — Глава седьмая. Продолжение следует!..

Серафима тоже засмеялась — дребезжащим голосом и, как парик с куклы, стащила свои седые волосы. Круглый блик вспыхнул на голой коже.

— Я родилась вчера, — доверительно сообщила она. — И теперь буду жить сто пятьдесят тысяч секунд...

7

Спорадический Контакт. Усиление сигнала. Репликация элементарной семантики в зоне Kontakta.

На кухне было душно. Горячий линолеум потел солнечной испариной. Хлюпало в раковине: чок!.. чок!.. Слабо гудел работающий холодильник.

Мазин растер лицо. Сколько он спал — минуту, две? Всего лишь прикрыл глаза. Вполне достаточно. После каждого сна где-нибудь на Земле появлялся еще один кусочек чужого мира. Этот мир сочился на Землю, как вода из крана: чок!.. чок!.. — неумолимо и безостановочно. Он вспомнил людей, согнувшихся над урнами. Блаженные и бессмысленные лица, перепачканные оранжевым. Вот, значит, как будет дальше. Теперь он знает — как. Это хорошо, что он знает.

По столу были рассыпаны кофейные зерна. Мазин разгрыз сразу два. Содрогнулся от вкуса: хотелось икры. Включил радио.

Поля пепельной травы медленно распространялись в глубь Австралии и Новой Зеландии. Япония в спешном порядке перекапывала побережья, создавая на островах сплошной кордон мертвой, пропитанной сильнейшими гербицидами земли. Одобрена общегосударственная программа глобального анализа флоры с обязательным уничтожением всех неизвестных растений. На Американском континенте проникновение началось в бассейне Амазонки и уже захватило обширные площади сельвы к востоку от Риу-Бранку. Взяты первые пробы. Применение современных методов исследования приводит к мгновенному распаду сложных органелл икры на молекулярные компоненты. Появление крылатых крокодилов. Попытки отловить. Стальные тросы, наброшенные на панцирь, рвутся, как паутина, — крокодил продолжает движение от урны к урне. По предварительным подсчетам, масса каждого животного превосходит массу земного шара. Бронебойные пули отскакивают от чешуи. Напалм прого-

рает на ней, не оставляя следов. Наблюдаемые изменения животного и растительного мира возникли, вероятно, в результате мутаций и не представляют серьезной опасности, — заключил диктор.

— Чок!.. Чок!.. — хлопала вода в кране.

— Не представляет серьезной опасности, — повторил Мазин.

— Чок!.. Чок!..

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали шесть. Это могло быть и шесть утра и шесть вечера. Времени не существовало.

По радио заиграла музыка. Мазин выдернул шнур. Кухня была тесной. Стены давили. Холодильник щелкнул и замолк — будто умер. Что-то еще оставалось. Да, убедиться самому. Он встал. Твердая корка хрустнула под ногами.

Лестница была пуста. Двор был пуст. Плотная тишина до краев заполняла его. Наверное, все-таки шесть утра. Хорошо бы сейчас поспать часов восемьдесят. Чугунные веки тянуло вниз.

Он вышел на улицу. Дрожало голубое марево. Солнце сияло в плоских окнах. Метрах в пяти от подворотни начиналась трава: светло-серая, в белых прожилках — цвета пепла. Все правильно. Мазин, как автомат, ступил на нее. Сразу почувствовал лед сквозь подошвы.

— Не представляет серьезной опасности, — сказал он.

Впереди, на середине мостовой, асфальт вспучился горбом и расколотся. Деревянная урна вылезла из земли. Трава сейчас же бесшумно обступила ее широким кольцом.

— Пожалуй, пора, — сказал Мазин.

Посмотрел в небо. В синеве растворялись тонкие перистые облака. Звезда горела.

— Мы слишком разные, — подумал он. — Может быть, это и не Вторжение, но мы слишком разные. Нельзя ездить без колес. Мы никогда не пойдем друг друга.

Повернул обратно. Пересек двор. На лестнице опять никого не встретил. Дверь была открыта. Он забыл про нее. Квартира дохнула жаром. Паркет в комнате скрипел. Окно распахнулось, содрав засохшую краску. У него был шестой этаж. Далеко внизу, в квадратике двора, уже появилась стеклянная мельница. Вращалась, позвякивая колокольчиками. Солнце весело вспыхивало на прозрачных лопастях.

Пора.

Он залез на подоконник. Сдвинутый поникший цветок упал на пол и разбился. Наружный карниз был грязный. В голубином помете. Очень хотелось икры. Мельница, разбрызгивающая по стенам солнечные зайчики, вдруг остановилась — как вкопанная.

— Все правильно, — подумал Мазин. — Запереть дверь. По крайней мере, это я могу сделать.

И, закрыв глаза, помогая себе руками, перевалился через карниз.

Потеря всей зоны Контакта. Потеря пространственных координат. Полная элиминация семантики. Выход из зондажа. Отключение донорской группы.